

СОДЕРЖАНИЕ

	Вместо предисловия	5
Глава 1	Шесть с половиной лет назад	7
Глава 2	Вы задержаны	9
Глава 3	Давление растет	15
Глава 4	Приготовьтесь защищаться	21
Глава 5	Сила веры	31
Глава 6	Стоит ли искать адвоката?	35
Глава 7	Козыри	40
Глава 8	Полторы сотни ручек — и ничего	48
Глава 9	С вещами на выход	55
Глава 10	Девять лет спустя	58
Глава 11	Взять ответственность на себя	69
Глава 12	Вопрос жизни и смерти	74
Глава 13	Семьдесят на тридцать	78
Глава 14	Как вести себя во время следствия	81
Глава 15	СИЗО: к чему готовиться	90
Глава 16	БАМы	93

Глава 17	Что нужно сказать родным	100
Глава 18	Другие голоса	103
Глава 19	После освобождения	109
Глава 20	Оправдательный приговор	113
	Послесловие	119

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Сумерки. Москву заливает дождем. Бросаю машину у станции метро с аварийкой, надеюсь, не эвакуируют, я ненадолго. Мне только забрать документы.

Покупаю билет и быстро иду вниз по эскалатору. Проплывают лица людей, поднимающихся на поверхность. Усталые, серьезные, что понятно — пятница, накопилось, — целующаяся парочка, парень в наушниках со скейтом в руках, бабушка поправляет платок.

Думаю невольно: вы и не догадываетесь о существовании параллельной реальности, в которой я жил недавно, в которую возвращаюсь во сне и по делам почти каждый день. Мужчина в костюме и плаще раздраженно требует дать дорогу, спешит, не знает, какой он счастливый, что сам решает, куда бежать, с кем быть. Деловой, похож на предпринимателя, встречал таких, в СИЗО им особенно трудно. Если ты привык управлять своей жизнью и бизнесом, невыносимо сложно, когда каждое решение принимают за тебя. Когда трудно влиять на обстоятельства. Ты к такому не привык, парень, думаю я и представляю, как изменилось бы отношение случайных встречных людей на эскалаторе, если бы объявили сейчас громко, что мужчину задерживают, что ему предъявлены обвинения в мошенничестве при ведении бизнеса. Люди бы отодвинулись? Посочувствовали? Повторили заученное «дыма без огня не бывает»?

А что подумаете вы?

Делаю шаг с эскалатора на платформу станции метро «Маяковская». Как я узнаю того, кто меня ждет, не понимаю. Надеюсь, он узнает меня сам. Иду сквозь толпу, оглядываюсь.

— Вы Александр Хуруджи? — Слышу тихий мягкий голос за левым плечом, невольно останавливаюсь. Оглядываюсь.

— Да.

Тот, кого я жду? Или случайный знакомый? Человек, который следил за историей моего освобождения из СИЗО через интернет и, может быть, даже был в суде? Или человек из более далекого прошлого? Когда я был вхож в коридоры власти, занимался развитием российского бизнеса в Агентстве стратегических инициатив.

— Тогда это для вас.

Мужчина вкладывает мне в руки неприметную серую папку и растворяется в толпе. Открываю, листаю документы. Да, это то, за чем я шел сюда. В папке сотни имен и фамилий арестованных предпринимателей. Это документы, которые чуть позже журналисты назовут российским списком Титова.

К утру субботы я должен проработать информацию по каждому и представить заключение Борису Титову. В моих руках не просто серая папка — судьбы сотен арестованных предпринимателей. Для многих оказаться в российском списке Титова, возможно, последний шанс на освобождение.

1

ШЕСТЬ С ПОЛОВИНОЙ ЛЕТ НАЗАД

Александр Хуруджи — арестованный предприниматель.

СИЗО, рейдерский захват бизнеса, моя семья — заложники, суды, десятки ручек, которые я исписал в надежде найти выход. И дописался до встречи с Борисом Юрьевичем Титовым. Мне невероятно повезло, он приехал ко мне в СИЗО, разобрался в моем деле, помог освободиться.

И предложил заняться правозащитой. Логика была ясна: кто, как не бизнесмен, который был задержан, вышел на свободу, реабилитирован, смог сохранить семью и самого себя, может лучше помогать таким же коллегам по несчастью. Учитывая мое юридическое образование, предложение было более чем уместно.

И я принял его, еще в СИЗО присоединился к команде Бориса Титова из Ассоциации защиты бизнеса.

Правовая защита предпринимателей оказалась жестче и прозаичней, чем мне казалось в самом начале. Ровно так же слетели с меня розовые очки при первом столкновении с системой правосудия, когда я заявлял, что дыма без огня не бывает, раз моей вины нет, то и задерживать меня не станут. Стали.

Думал — быстро выпустят, если могу доказать, что вины нет. Отпускать не спешили. Возвращение к привычной жизни на свободе тоже оказалось совсем не таким, как представлялось. Собственно, после освобождения начинается другая,

а не прежняя жизнь. Знакомишься заново с семьей, друзьями, коллегами. Даже после реабилитации вы не равны себе прежнему с юридической точки зрения. Об это спотыкаешься каждый раз, когда нужно предоставить справку о несудимости или заполнить анкету, например, в банке.

Как передать, что чувствуешь, когда ведешь защиту? Когда видишь слезы матерей и жен, когда вникаешь в истории людей? Можно ли рассказать словами о товариществе, которое возникает с коллегами, когда команда собирает справки, бумаги (иногда счет идет на часы), ищет помощи журналистов, выдерживает раздражение и отчаяние задержанных и их близких?

Через год работы правозащитником, признаюсь, я заключил договор с собой. Цель — освободить сто предпринимателей либо сделать из правовой защиты систему, выработать пошаговую инструкцию, которая поможет бизнесмену выйти из СИЗО. Когда цель будет достигнута, я дам настоящую свободу выбора и себе. Чтобы вернуться в мир предпринимательства или полностью посвятить себя семье, уехать на вечную рыбалку или заняться натуральным хозяйством и полностью отключиться от информационного потока. Спасти себя и семью от опасностей, о которых знаю не понаслышке.

Но вот прошло шесть с половиной лет и стало понятно, что я готов выполнить только первую часть договора — создать пошаговую инструкцию, которая помогает предпринимателям выходить из СИЗО с минимальными потерями, избежать по возможности ошибок, которые совершают все, и я не исключение. Собственно, для этого книга и написана: поделиться опытом и знаниями своими и коллег-правозащитников, примерами освобождения других бизнесменов, рассказать о специфике российской правовой системы, научить вести с ней переговоры, стоять на своем.

Жизнь порой настолько сложна, что хочется сбежать и спрятаться, но я понимаю, что это невозможно. Да и не нужно. Достаточно однажды встать на свою сторону, если пришло время защищаться. И на сторону близкого человека, если беда и обвинения ворвались в вашу жизнь.

2

ВЫ ЗАДЕРЖАНЫ

Пора представиться. Если вы знаете историю моего задержания и освобождения или читали первую книгу «Планы изменились», где я подробно рассказываю о том, что произошло, смело пролистывайте эту главу и приступайте к следующей. Потому что сейчас я коротко, но все же перескажу для новых читателей, что произошло и на какой опыт и знания я опираюсь в правозащитной деятельности.

В середине 2013 года, за четырнадцать месяцев до моего задержания, я узнаю, что готовится закон, который уничтожит мой основной бизнес-актив. Дело семи лет жизни, семейное предприятие фактически экспроприируют. Акционерное общество «Энергия», где я основной акционер, вдруг превращается в предприятие, с которым борется крупная госкорпорация. Я рискнул бороться в правовом поле с естественной монополией. Я хочу защитить интересы своего предприятия. Я настаиваю на соблюдении договоренностей, и меня решают раздавить.

«Но я ведь не сделал ничего вне рамок закона, — думаю я. — Я только хочу, чтобы предприятие продолжало работать, чтобы люди сохранили места и получали зарплату, чтобы бизнес развивался дальше и приносил доход мне и другим акционерам». Я надеюсь на улучшение ситуации, хотя предпосылок, в общем-то, не наблюдается.

Иду и выигрываю все суды. Но вместо денег получаю ад. Вместо выплат — угрозы. Месяцами мне постоянно передают, что за мной придут, что меня арестуют. Идут обыски, но больше года мы отбиваемся.

Но затем следует задержание, бессонная ночь — многочасовой допрос, зашкаливающее давление. За спиной с грохотом захлопываются решетки. Одна. Вторая. Отбирают ремень, галстук, шнурки и шарф. Третья. Яркий свет. Захлопывается дверь камеры.

И вот я стою в камере без сил, в предынфарктном состоянии, с пульсирующей головной болью в своем прекрасном костюме Zegna. Помню, за несколько месяцев до этого в офисе оглядывался, прислушивался к разговорам коллег и думал: «Надо же, даже привычными стали постоянные встречи с юристами, сотни судов, которые идут одновременно...» Большой ошибкой оказалась мысль, что суды — вещь обычная. Вера в справедливость закона дорого мне обошлась. На первом после задержания допросе я услышал:

— Вы можете не надеяться сегодня выйти. Не надеяться, что завтра в это же время будете в гостинице на мягких подушках. У вас впереди веселая жизнь. В ближайшие десять-пятнадцать лет вам ничего привычного не понадобится. Ни телефон, ни костюм больше не нужны.

Нет, я не поверил, но и на свободу не вышел. Ни в этот день, ни на следующий, ни через месяц.

Но в первые месяцы я был еще совершенно уверен, что невинному человеку государство не может сделать ничего плохого. То, что происходило со мной, — дурацкое недоразумение, халатность, ошибка. Мы быстро разберемся, был уверен я. И был относительно спокоен за свою судьбу.

Когда меня задержали, я еще не знаю, что именно публичность и моя известность скоро невероятно пригодятся. Хотя, признаться честно, я на них надеюсь, когда металлическая дверь с лязгом закрывается за моей спиной. Надеюсь, что меня хватятся и будут выручать, когда новость появится в газетах.

Но вот как люди воспримут новость, что бизнесмен Александр Хуруджи задержан? Прекрасно понимаю, что люди, которые меня заказали, серьезные противники. Они хорошо знают технологии уничтожения человека. С их огромными ресурсами... Как задержание скажется на карьере? Но я ведь ни в чем не виноват. Что мне могут предъявить? Меня просто хотят напугать

и выпускают через пару дней, верно? Когда суд назначат? Так спрашиваю я сам себя в первые недели в СИЗО, и мысли снова движутся по кругу. С одной стороны, я действовал по закону... Но враги...

После моего задержания газета «Коммерсантъ» написала:

В Ростове-на-Дону полицейские задержали руководителя ассоциации некоммерческого партнерства по подозрению в хищении в особо крупном размере. «Полицейскими установлено, что он, являясь директором одной из организаций города Ростова-на-Дону, специализирующейся на передаче электроэнергии, совершил хищение денежных средств на сумму более 500 млн руб.», — сообщается на сайте Главного управления МВД России по Ростовской области. Отмечается, что задержание было произведено по ранее возбужденному уголовному делу, которое сейчас расследуется. Предпринимателю выбрана мера пресечения в виде заключения под стражу¹.

Странно просыпаться и вместо привычных плотно задернутых штор видеть пронзительный свет электрических ламп и чью-то ногу в дырявом носке на верхних нарах... Видеть глаза мамы, коллег, друзей в первый раз из-за решетки в зале суда.

«Это все ерунда, сейчас разберемся», — хочется мне сказать им.

Когда слышу слова судьи, что мне продлевают задержание, не верю своим ушам. Я растерян, запутан, встревожен. Ищу в толпе мамино лицо, не вижу. Как она?

Судья озвучивает решение, а журналисты шепчутся, что в лентах новостей заключение появилось на целых пятнадцать минут раньше! Что это значит? Что решение по мне было принято заранее и разослано в прессу тоже заранее. Я взбешен и обескуражен. Моя привычная картина мира трещит по швам. Я не знаю, что и думать. Легкой победы не будет? А как же действовать? Что помогает, когда привычные способы не работают?

¹ <https://www.kommersant.ru/doc/2871420?ysclid=mdoc8tfc4p608485945>. — *Здесь и далее примечания редакции, если не указано иное.*

В автозаке узнаю, что арест продлили всем. Никого не освободили. Шепнули, что по мне «вопрос уже решен». Я подавлен и растерян, но все равно со скепсисом воспринимаю сообщение о решенном вопросе. Во мне еще много надежды.

Наталья Курто, пресс-секретарь Ассоциации защиты бизнеса:

Шансы на оправдательный приговор равны 0,2%

Сегодня российские суды выносят всего 0,2% оправдательных приговоров. Только вдумайтесь: обвинительные приговоры, если дело дошло до суда, получают в 98,8% случаев. Пусть эти статистические данные окончательно избавят вас от надежды на справедливость, которая может восторжествовать сама собой.

Понимая, как работает судебная система и какова вероятность быть оправданным, мы считаем, что условный срок — хороший результат. Потому что человек выходит на свободу.

Другой приемлемый вариант: выйти «по отсиженному». Это происходит, когда предприниматель провел, например, год в СИЗО, а ему дали полтора. Происходит пересчет срока по закону «день за полтора». Для правозащитников, хорошо знакомых со статистикой, подобные решения — просто реальность. Они не ждут большего, потому что хорошо знакомы с судебной практикой. А вот для тех, кто впервые сталкивается с судебной системой, кто верит, что муж, папа, сын не виноват и судья во всем разберется, подобное решение может стать трагедией. А судья при этом сухо выносит обвинительный приговор.

Но давайте посмотрим правде в глаза и согласимся, что в целом предпринимателям в России свойственна низкая финансовая и юридическая грамотность. Можно десять лет заниматься малым предпринимательством и совершенно не понимать, что нарушаешь закон. А потом попасть под проверку, рейд, и вроде бы все знакомые делают то же самое — и ничего, а на вас заводят дело.

Возьмем для примера застройщиков и дольщиков. Во время банковских кризисов многие стройки останавливаются. Не потому что застройщики нехорошие люди и решили все украсть, а по вполне объективным причинам — экономический кризис. Застройщик пытается перекредитоваться, но двигаются сроки. Часть объектов удается завершить, а другую захватывают рейдеры. Захват случается, когда

«подсадные» пострадавшие дольщики пишут заявление и застройщик оказывается в СИЗО. И пока он сидит и не может контролировать строительство, приостанавливаются выплаты зарплаты, платежи подрядчикам. В этот момент компанию можно обанкротить и перекупить. Причем в нашем законодательстве есть ловушка: квартиры дольщикам должен достроить именно застройщик, с которым заключен договор долевого строительства, а не компания, выкупившая обанкротившуюся стройку. И перед дольщиками, и перед законом лично отвечает предприниматель, который однажды решил строить квартиры.

При этом рейдер может достраивать дом и продавать квартиры заново. А проблемы с дольщиками будут у государства и человека, сидящего в СИЗО. Так происходит передел строительного рынка. Очень распространенная сейчас проблема. Застройщики, попавшие в подобную ситуацию, вряд ли из нее выйдут без потерь. И дольщики тоже вряд ли получат квартиры.

Поэтому стоит задуматься, действительно ли вы ничего не нарушали, если вам предъявляют обвинения, приходят с обыском, задерживают? Что еще может быть причиной? Заказное дело, к сожалению. На предпринимателя могут написать заявление о преступлении, и суд по ходатайству следователя отправит человека в СИЗО. Чтобы понять, заказное дело или вы просто неудачно попали под проверку, попробуйте выяснить, как давно на вас написали заявление. Дело в том, что система так устроена, что можно годами писать десятки заявлений и ничего не происходит. В заказных делах заявлению дают ход быстро. Даже стремительно, я бы сказала. Если вчера прошла проверка, сегодня возбудили уголовное дело, а послезавтра арестовали, правозащитники склонны делать вывод, что речь идет о заказном деле. Вероятно, кто-то «стимулирует» скорость работы недобросовестных силовиков.

Еще один типичный случай: банки и кредиты. Предприниматель берет заем, потом с бизнесом что-то происходит, и он не может больше платить. У нас была такая история с птицефабрикой. Компания взяла большой кредит на реконструкцию. Пять лет получалось исправно платить, а потом случилось ЧП — один из цехов сгорел. Это был серьезный удар для предприятия. Пока страховая компания разбиралась, начались задержки по кредитным выплатам. Представители

банка написали заявление, и директора фабрики отправили в СИЗО, а предприятие стали банкротить.

Он просидел в СИЗО два года. Потом все-таки удалось добиться его освобождения и прекращения дела. Следовательно, прокурор и представитель банка уверяли суд, что он мошенник, изначально брал кредит, чтобы не возвращать его, а пять лет исправно погашал задолженность, потому что хотел создать «видимость надежного заемщика». И это дело — не единственное задержание по кредитам этого банка, в практике Ассоциации защиты бизнеса как минимум шесть аналогичных защит. В компании происходит форс-мажор, предприниматель не может платить банку, и возбуждается уголовное дело. При этом представители банка перескакивают этап арбитражного разбирательства. Видимо, это корпоративная политика — сразу заводить уголовное дело, забирать имущество. И не стоит думать, что так ведут себя только в одном банке, это системная проблема.

Но при этом многое зависит от региона и заемщика. Кому-то везет, и в аналогичной ситуации тот же самый банк идет навстречу, выдает новый кредит, проводит реструктуризацию. Так работает наша система: кризис один для всех, но кого-то сажаят, а кого-то перекредитовывают.

Иногда даже возникает ощущение, что если вы построили успешный бизнес, который может работать без вас, то ждите — скорее всего, он понравится кому-то другому и за вами придут. Неэффективный бизнес никому не нужен. А когда компания становится автономной и приносит хорошую прибыль вне зависимости от того, кто ею управляет, повышается риск рейдерского захвата. Как правило, всегда рядом есть кто-то, кто чуть сильнее и чуть завистливее. Если вы хотите заниматься бизнесом успешно, умейте подстраховываться от захватов. Хотя бы потому, что сами следователи полушутят: законы таковы, что если вы еще не сидите, то это не ваша заслуга — это наша недоработка.

3

ДАВЛЕНИЕ РАСТЕТ

После второго продления задержания моему оптимизму и идеализму приходит конец. Из свидетеля я превратился в подозреваемого. Это уже не угрозы, не запугивание. Это настоящая война.

Следователь что-то регулярно добавляет в дело, обосновывает свои подозрения. Я прямо слышу, как заказчики задержания убеждают следователя и прокуратуру, что после судов меня сразу все бросят и забудут, что никто не будет сопротивляться: «Что вы, оставьте! Кому он нужен?» Расчет, видимо, был на такой подход. Но когда обо мне и о деле стали активно писать журналисты и блогеры, задавая вопросы, а в суд приходили люди, они попытались как-то подчистить следы фабрикации, задним числом подтянуть обоснования.

Но во мне все равно еще теплится надежда на справедливость. Подогревает ее то, что мое дело становится все более резонансным — так много статей и репортажей выходит в прессе. Я вижу, что беспардонность и наглость, уверенность в своей безнаказанности, с какими до оглашения приговора судьей было распространено решение, привлекает к моему делу особое внимание. Журналисты пристально следят за каждым новым фактом, каждой заказной статьей. Они сразу понимают, что мое дело заказное, и открыто пишут об этом. Участие прессы потом сыграет огромную роль в моей судьбе. Но я об этом еще только интуитивно

догадываюсь. Я весь — ожидание. Я верю, что дыма без огня не бывает. Да, идеализм и надежда — мои упрямые спутники, они еще со мной.

Промах с рассылкой пресс-релиза о решении суда до его официального оглашения, видимо, смутил не только журналистов — по просьбе прокурора следующее заседание будет закрытым для прессы. Но тем больше подогревается интерес журналистов.

Дело приобретает другой оборот.

Давление на меня растет. Чтобы запугать еще больше, открывают дело на моего брата, его объявляют в розыск, хотя Сергей по-прежнему живет дома, никуда не прячется. Меня лишают доступа к основным документам предприятия, фактически они берут под контроль директора. Я беззащитен с юридической точки зрения. Паникую немного и прекрасно понимаю, что пора действовать решительно. Где там мои адвокаты? Почему я еще в камере?

Вместо того чтобы выйти на свободу, я попадаю в СИЗО. Вот там я испытываю настоящий шок. Зданию больше *двухсот пятидесяти* лет, оно насквозь прогнило, видишь стены с облупившейся краской, ждешь в приемном отделении — его называют вокзалом — распределение в одной комнате с убийцами. Народу тьма, все дымят *как паровоз*. На двадцати пяти квадратных метрах десятки людей.

Я огляделся, вспомнил, что перед отправкой из изолятора временного содержания в СИЗО нашлась моя сумка с продуктами. Родные приносили, а полицейские почему-то собирали все, а мне в камеру не несли. И я стал угощать народ, понимая, что пронести в СИЗО продукты мне не дадут. Что тут началось: как в кино, мясо разрывали прямо руками, ели на ходу, быстро, молча. Жутко. Но народ радовался.

Охранники, кстати, пропустили мандарины. Должен сказать, охрана ведет себя уважительно с людьми, которые сидят по экономическим статьям. Например, по прибытии есть процедура, когда нужно раздеться догола — для досмотра... Но со мной никто такого не делал.

Меня и других людей с баулами повели в карантин — камеры, где пережидаете, пока идут твои анализы. В подземелье. В настоящее, ледяное. На дворе ведь мороз. А камеры, где новенькие ждут окончания карантина, находятся под землей.

Я иду и повторяю про себя: «Это ненадолго, сейчас построю адвокатов и выиграю сражение». Хотя и понимаю, что Новый год встречу в камере. Настроение резко падает от мысли, что придется придумывать, что отвечать дочери на вопросы о том, где папа. В голове пульсирует: «Выбираться отсюда нужно. И срочно. Родные испереживались, дела ждут, предприятие нужно спасти. Срочно ко мне адвокатов!»

Сейчас я понимаю, что в первое время «там» я был совершенно наивен, преисполнен оптимизма и плохо представлял, что происходит. Зато я был железобетонно уверен, что правильно выстрою адвокатов, научу их толковой защите и стремительно выйду. Как может быть иначе, когда я прав, вины нет, зато есть великолепные адвокаты и своя голова на плечах? Поэтому и к жизни «там» я отношусь философски, занимаю исследовательскую позицию. И это меня спасает.

Оксана Ермакова вышла на свободу 4 апреля 2020 года. Ровно через четыре года, день в день, после того, как ее вывезли из дома на допрос, после которого она оказалась в тюрьме. Оксана стала единственным из одиннадцати акционеров банка «Донинвест», кто оказался на скамье подсудимых. Сначала ей предъявили обвинение в мошенничестве, а потом в организации преступного сообщества. Топ-менеджеров банка «Донинвест» обвиняли в том, что они выдали несколько крупных заведомо невозвратных кредитов фирмам-однодневкам.

Камеры, конвой, этап — она прошла весь путь и не сломалась. Все эти годы ее ждал муж Андрей. Более сотни раз он летал в Ростов-на-Дону и Новочеркасск, чтобы навестить любимую¹.

¹ <https://www.mk.ru/social/2020/07/07/muzh-peredaval-mne-v-tyurmu-kruzhevnoe-bele.html>.

Андрей Ермаков:

Нельзя сдаваться ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах

В 5:30 в наш дом вломились эти упыри. Они взломали дверь, ворвались в спальню, вытащили нас с женой из постели. Их было четверо плюс понятые. Черные маски, автоматчики. Дальше многочасовой обыск, потом Оксану увезли. И с этого момента она провела четыре года в тюрьме. Слава богу, в это время вышел закон о пересчете срока содержания под стражей, и эти четыре года засчитали за шесть лет по приговору. Иначе я не увидел бы жену еще два года.

Когда Оксана была в тюрьме, самой сильной мотивацией действовать был страх. Мне было ужасно страшно за Оксану и за себя. Понятно, что нельзя сдаваться ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах. Но казалось, что все наши усилия — бесконечный, бесполезный сизифов труд. Тринадцать (!) раз продлевали содержание под стражей. Ты жалуешься, пишешь, обосновываешь, собираешь документы, приводишь доводы, доказываешь, а им — что божья роса. Но невозможно было остановиться, расслабиться и бросить все, потому что Оксане грозило двадцать лет заключения — это ужасно, невыносимо.

Сейчас Оксана дома, и все уже не так страшно, казалось бы. Но идет исполнительное производство, нужно защищать свое имущество, продолжать отбиваться. И вроде бы живи и радуйся, но эта казенная дрянь все отравляет. И сколько лет еще это продлится — неизвестно.

Я не знаю, когда это закончится и какими людьми мы станем, пройдя через это чистилище. Жить в бесконечном страхе и тревоге я устал, а ничего другого нам здесь не предлагают. И уехать мы, естественно, никуда не можем, потому что нам установили запрет на выезд. Мы заблокированы полностью. Даже отсидев в тюрьме, мы по-прежнему несвободны.

Оксана осталась здоровой, не искалеченной тюрьмой: вроде бы все как прежде, а вот что будет дальше, неизвестно. У меня, похоже, появился невроз, мне постоянно кажется, что впереди ждут только несчастья. Хороших новостей я или не замечаю, или не воспринимаю. Я вздрагиваю от любых новостей, потому что слишком долго они были только плохими. От приятных новостей я уже отвык.

Мне довольно часто приходится отвечать на вопрос: как нам удалось сохранить отношения? Ведь многие, оказавшись в подобных обстоятельствах, разводятся. У меня даже мысли не было бросить Оксану. Кто поможет, если не я? Это же абсолютно скотский поступок — уйти в такой тяжелый момент, ужасное предательство. Я был бы хуже, чем те твари, которые отправили ее в тюрьму. Если мы преодолели самое страшное — разлуку и страх, то останемся вместе на всю жизнь. Надо выдержать последствия, стать свободными и счастливыми. По крайней мере, мы можем держаться за руки ежедневно.

Нам помог выдержать не только страх, но и любовь. Оксана — мой осознанный, взрослый выбор. Мы тяжело и долго сходились. И, наконец, наконец заслужили друг друга. Детей у нас нет. Для меня это единственный брак, на всю жизнь. Может быть, это редкость в наши времена. Тут сложно давать советы. Просто у нас так получилось.

Уверен, что очень важно поддерживать человека, пока он находится там. Оксана говорила, что она провела эти годы несвободы лучше, чем ее соседки, благодаря постоянной мысленной связи со мной. Когда я стал общественным защитником, я стал каждые две недели приходить к ней на свидания. Летал в Ростов, а потом в Новочеркасск. В Москве нам свидания не разрешали. В моем расписании было прописано: я покупаю продукты и все необходимое, в понедельник отправляю посылку, а в пятницу она ее получает. И так жена жила от пятницы до пятницы. Я присылал открытки, писал письма, всегда старался отправить приятные небольшие подарки. Искал в интернете статьи и материалы, печатал их, чтобы ей было бы интересно прочесть. Получался еженедельный журнал, наш с ней журнал, в который я собирал новости обо всем, что ей интересно: искусство, музыка, наука, право. Бесправие, точнее. Накопилась несколько папок этих писем и вырезов. Оксана говорила, что они ее очень поддерживали.

Я понимал, что у меня на свободе есть свой мир, дом и наша собака, а у нее там нет никакого, поэтому я передавал ей вести из своего мира. Потом оказалось, что это действительно работает и помогает.

Как вели себя родственники? У Оксаны есть брат и мама. Они не вмешивались, только изредка интересовались. Они не понимали, что происходит, все время спрашивали, когда ее выпустят. Для них происходящее оказалось слишком ужасным, неправдоподобным.

Моя сестра узнавала, как дела, переживала. Конечно, друзья интересовались, но так, будто речь шла о тяжелой, неизлечимой болезни. Не обсуждали почти. Что тут скажешь? Говорить какую-то ерунду вроде: «Ничего, все наладится»? Никто и не пытался. Конечно, они меня здорово поддерживали тем, что звали в гости, поговорить, вспомнить что-то хорошее. С некоторыми я перестал общаться, потому что мне не понравилась их реакция. Эти идиотские словечки: «Дыма без огня не бывает», «Просто так не посадят». Я услышал что-то подобное один раз, тут же встал и ушел и руки больше не подавал. Я не собирался оправдываться и объяснять что-то. Такой подлости к нам с Оксаной я не потерплю.

4

ПРИГОТОВЬТЕСЬ ЗАЩИЩАТЬСЯ

Конечно, чтобы начать полноценно работать над защитой в новых условиях (в камере), я пытаюсь как-то наладить свой быт, а он отнимает много времени. Ты постоянно занят бытом.

Многие думают, что в тюрьме у тебя много времени, но времени тут нет. Все расписано по минутам. Обходы с раннего утра. Самая неприятная штука — обыски. Бывает, их проводят по несколько раз в день. Переворачивают все, вещи летят на пол, нужно перестирывать их. Неприятно, мягко говоря.

Ванны или душа нет. Есть только кран над маленькой раковиной. В банные дни водят мыться в так называемую баню.

Вот как порезать колбасу? Ножа нет. Отгрызть несолидно, люди за столом сидят. Я беру зубную нить (она разрешена, во всяком случае, ее не отнимали) и — вжух! — нарезаю колбасу ровными кусками. Ложкой режу салаты из овощей. У меня свой фирменный секрет: я добавляю капелку меда и немного уксуса. Очень вкусно! Осваиваю здоровое питание. Можно пользоваться кипятильником, поэтому я варю каши с сухофруктами.

Стал заниматься спортом: отжиматься, приседать. Начал сильно худеть. Но и курить тоже начал. Еще в ИВС врач скорой, уколов мне магнезию, сказал: «Начинайте курить, по-другому вы просто не выживете». Это решение оказалось правильным, я хотя бы начал нормально спать.

Я курю «Парламент», а предприниматели в основном — «Винстон». Здесь сигареты — самая твердая валюта, которой ты благодаришь и рассчитываешься за все. Это тюремные деньги. За пачку сигарет можно купить килограмм жареной рыбы.

Здесь оказалось много моих коллег-предпринимателей. Я сначала даже был обескуражен: не знал, радоваться или огорчаться, что так много рядом старых знакомых. Ведут меня по коридору на встречу с адвокатами, вдруг слышу: «Саня, привет! Это я, Даниил!» Я в ответ: «Привет, Даниил, а что ты здесь делаешь?» Он — директор крупного завода в Азове. «Да вот, как и ты, балдею тут. Ты определился, куда хочешь?» — «Нет». — «Давай к нам, у нас классная хата — предпринимательская. Самые известные люди юга России сидят. Я решаю вопрос».

Через день-два меня и правда переводят туда. Камера на троих, обстановка стандартная, только с благами цивилизации: холодильником, телевизором, электрочайником. Тут до нас сидел Сергей Резник (ростовский журналист и блогер, был осужден по статьям «Ложный донос» и «Оскорбление представителя власти»; отсидел почти три года, освобожден в конце 2016-го). И Валера Чабанов в этой камере сидел (экс-глава строительного концерна «Вант», в апреле 2017-го осужден на четыре года в колонии-поселении за мошенничество в особо крупном размере). А вместе со мной сидит, например, совершенно замечательный человек Магомед Хадисов. Он у себя в Дагестане строил многоэтажки, и его заказали черные риелторы: они скупают квартиры, а потом кидают застройщика — не дают возможности сдать дом.

Нас каждый день выводят на прогулку. Прогулочный двор разгорожен на несколько камер: с кем живешь, с тем и гуляешь. Есть нюанс: если кто-то не идет гулять, то не идут все. Во время прогулок подтягиваюсь, бегаю на месте, отжимаюсь от скамейки. Здесь ужасно не хватает ярких цветов, зелени деревьев, даже небо голубое не видишь. В камере на окне две внутренние решетки и одна внешняя, а сверху еще сетка-рабица, чтобы тебе ничего не могли опустить.

И все-таки главная пытка — не табачным дымом, а телевизором. Мне повезло, люди в моей камере хотя бы спорт смотрят. А есть камеры, где сидят сплошь наркоманы, они подсели на ментовские сериалы и «Дом-2». Я читаю книги. Что-то семья передала, и от Сергея Резника много книг осталось.

Мне тут постоянно встречались люди, которые переворачивают сознание. Они заставляют меня взглянуть на мир по-другому. Водолаз, который по 350 раз в день отжимался в 63 года. Когда его хотели выпустить по УДО, отказался, сказав: «Не хочу подачек от государства, буду сидеть от звонка до звонка, поскольку виновным себя не признавал и не признаю».

Когда встречаешь таких сильных людей, то понимаешь, что узнаешь новые правила игры. Это встреча с той частью мира, которую мне пока не показывали. И то, что раньше меня выбивало из седла, теперь просто веселит. Я учусь воспринимать происходящее как квест — игру, в которой моя задача — выбраться на свободу. Я верю, что для этого достаточно грамотно выстроить линию защиты, натренировать адвокатов и дело сдвинется, я освобожусь. Но я пока не понимаю, почему другие сокамерники не разделяют мой оптимизм.

Вера Ивановна, мама Константина Ремизова:

Мы даже не можем доказать, что 2003 год наступил раньше, чем 2012-й

Моему сыну предъявлено обвинение в совершении мошенничества. Константин был директором строительной компании. Они осуществляли строительство в Москве и Московской области. В общей сложности было построено более миллиона квадратных метров жилой площади в Москве и Московской области. У него нет ни одного обманутого дольщика. Это были замечательные объекты. Мы все очень гордились Костей. Я и сейчас продолжаю гордиться своим сыном, хотя ведется уголовное преследование, потому что знаю, что он невиновен. Это заказное уголовное дело.

Сын вел строительство жилых домов бизнес-класса в районе Сколково. Это была качественная, дорогая застройка. Потолки высотой три с лишним метра, электроника, подземные паркинги. Его

конкуренты написали заявление в милицию, что якобы он должен был построить эти объекты по 6000 рублей за квадратный метр. Всякому умному человеку понятно, что за эту стоимость даже туалет на даче не построить. Тем не менее уголовное дело возбудили и стали угрожать, что из свидетелей он перейдет в категорию обвиняемых. В это же время стали вымогать активы.

Сын давно в бизнесе. Он понимал, что если по такому надуманному поводу завели уголовное дело, то, вероятнее всего, если он не отдаст свои активы, его посадят. Поэтому сначала он пытался от них откупиться. Но когда сказали, что и родители должны все отдать, сын сказал: «Я больше вам ничего платить не буду».

Преследование ведется с 2017 года. За это время у нашей семьи отобрали все активы, угрожали и до сих угрожают. Мы живем в страхе. Сын полтора года проходил свидетелем по этому уголовному делу. В его адрес постоянно летели угрозы, у него вымогали активы.

Все началось, когда нам позвонила сноха. Она была дома с маленькими детьми. Младшей дочери не было года, а старшей было четыре, когда к ним в квартиру пришли люди, показали удостоверение и стали проводить обыск. Изъяли электронику, часы, деньги. Когда сын отказался им платить, он написал заявление об угрозах в милицию, а через пятнадцать минут его арестовали.

Только он вышел из кабинета, где зарегистрировали его заявление, как его тут же арестовали. И вот с 17 сентября 2018 года сын находится в СИЗО. Позавчера ему продлили нахождение под стражей до 2 лет 10 месяцев. За это время ему предъявляли три разных фальшивых обвинения.

Изначально уголовное дело возбудили якобы по факту завышения стоимости строительства. Хотя это коммерческий проект, бюджетных денег там не было. А свободу договора в России еще никто не отменял. Коммерческая недвижимость может продаваться по договору по любой цене. При этом заявление о том, что причинен ущерб, написал представитель юридического лица, который вообще не участвовал в реализации этого проекта. Он не перечислил на проект ни копейки, не был акционером или участником юридических лиц, занимавшихся строительством. Фактически в деле нет потерпевшего. Лицо, признанное потерпевшим, им быть не может. Материалы дела переданы в суд, уже допрашивали псевдопотерпевших. На вопрос «Перечисляли ли

вы деньги на строительство?», они отвечают: «Мы не знаем». Вы представляете, так говорит юридическое лицо.

— Какой ущерб вам причинен?

— А мы не знаем, мы еще не определились.

А человек три года уже в СИЗО. У нас арестованы все активы, даже мои, накопленные за десять лет до того, как якобы было совершено преступление. В суде говорят, что это имущество куплено за преступные деньги. Это рэкет. Вымогать можно по-разному. Можно приставить к виску дуло пистолета. Можно грозить, что поотрывают ноги, как они делали раньше. А сейчас через суд занимаются рейдерством. И нет выхода. Мы даже не можем доказать, что 2003 год наступил раньше, чем 2012-й.

Сначала обвиняли в том, что сын зависил стоимость: якобы квадратный метр должен стоит не 35 000 рублей, а 6000. Потом они придумали, что он украл дивиденды у юридического лица, которое вовсе не участвовало в проекте и не было акционером его компании. Как можно украсть у посторонних дивиденды — непонятно. А самое интересное, что ему предъявили обвинение в хищении дивидендов и взяли под стражу, а уголовное дело даже не возбуждалось. Получается, что их обвиняют в том, что они действуют в составе преступной группы. А члены преступной группы — технический заказчик на стройке и бывший генеральный директор. И вот один из членов этой шайки написал жалобу, и замначальника ГСУ г. Москвы отменила обвинение и написала, что предъявление обвинений необоснованно, потому что уголовное дело по факту хищения дивидендов не возбуждалось. Его освободили.

А Константин как сидел, так и сидит. Изначально они определили, что он украл 426 миллионов. Потом сумма выросла до 550 миллионов, когда речь зашла о том, что он украл дивиденды. Мы, конечно, писали жалобы, опровергали их обвинения, после чего сумма стала 201 миллион. Мы опять жаловались. Это же глупость несусветная — нельзя украсть дивиденды. Дело взяли на проверку в Следственном департаменте МВД России. Те проверили и согласились с нашими доводами. Дело вернули на доследование, хотя мы уже были на стадии 217¹.

¹ Ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела. Статья 217 УПК РФ.

Но после этого следствие сделало отвод адвокатов, выпустив постановление, что они нарушают Конституцию.

Следователи выпустили третье обвинение, причем не допустили адвокатов к сыну в СИЗО. И мы до сих пор не можем понять, в чем суть обвинения. Якобы он завысил стоимость строительства и перечислил лишние 292 миллиона. Но при этом продолжают писать про какие-то дивиденды. Причем ссылаются на экспертизу ЭКЦ, в то время как экспертиза ЭКЦ и МВД установила, что нет завышения, потому что объекты коммерческие. Хотя объекты построены на 300 миллионов дешевле, чем предусмотрено нормативом Минстроя, несмотря на то, что там бельгийские витражи и отделка натуральным камнем по всему фасаду.

Вы представляете, что строят по нормативу Минстроя? Хрущевки для отставных офицеров. А это дома бизнес-класса. Следователь определил эти 292 миллиона следующим образом. Он задает экспертам вопрос: «Какую сумму по договору перевели подрядчикам?», эксперты отвечают: «1 миллиард 938 миллионов». Следователь спрашивает: «А какая стоимость строительства?», но при этом не уточняет — с НДС или без НДС. Эксперты считают стоимость строительства без НДС и отнимают от перечисленных средств стоимость строительства. Разница как раз составляет 292 миллиона.

В чеке из булочной значатся среди прочих три строчки: без НДС, НДС, итого стоимость с НДС. И если вас спросят: «Сколько стоит купленный вами пирожок?», вы всегда спросите: «С НДС или без НДС?» Каждый разумный человек понимает, что если есть косвенные налоги, то стоимость не может идти в отрыве от них.

Мы заказали экспертизу в Минюсте России, Федеральном бюджетном учреждении при Минюсте России. Увидев эти фокусы, они пришли в ужас. Дали заключение, что 292 миллиона — это сумма НДС, что и так было понятно. Все первичные учетные документы, по которым формируются проекты и акты выполненных работ, есть в материалах дела. Там указана стоимость строительства, НДС на стоимость строительства, стоимость строительства с НДС. Просто нужно сложить, и получится 292 миллиона. Но следователь отказался приобщать это заключение, а прокуратура отказалась прекращать дело в связи с отсутствием состава преступления. Дело ушло в суд. Уже прошел год. За это время было три заседания.

При этом у нас с завидной регулярностью, каждые три месяца, продлевают содержание под стражей в связи со сложностью преступления. Вся сложность — взять калькулятор и сделать одно арифметическое действие. А пишут, что мой сын особо опасный преступник. И мы прекрасно понимаем, что вряд ли дождемся правосудия. При этом следователь, чтобы иметь основания для продления сроков, после того как сына взяли под стражу, объявил его в розыск. Хотя он уже был в Бутырке. И теперь каждый раз, продлевая содержание под стражей, он пишет: «Скрывался. Может уничтожить доказательства». Хотя самое главное доказательство — это построенные дома площадью 75 000 м². Это огромный жилой комплекс.

Можно хоть каждый день приходить туда, составлять смету и иметь представление об объекте спора. Вот стоит дом. Вот инфраструктура. И уничтожить их он не может. Его даже подозревают в терроризме. При этом я им говорю: «Ребята, вы уже все материалы изъяли, дело в суде, строительная, рабочая и бухгалтерская документация там. Что он может уничтожить? Зачем вы его держите в СИЗО?» А они так поступают, потому что сын должен быть наказан за свою непокорность, отказ признавать выдуманную вменяемую ему вину и за то, что он продолжает бороться. Для них он зло во плоти.

В деле нет ни одного физического лица. В связи с этим, так как это гражданско-правовые отношения юридических лиц, рассматриваются только бухгалтерские документы. Но нам твердят, что преступление совершено не в сфере предпринимательской деятельности, так как мой сын не предприниматель. Но в обвинительном заключении раз за разом пишут: «...исполняя обязанности генерального директора, он заключил договор по завышенной стоимости». Мы уже добыли кучу писем всех уполномоченных федеральных органов: и Минстроя, и Мособлэкспертизы, и Минюста, и Росстата, и налоговой инспекции — какая рыночная стоимость строительства была на тот период. Но их отказываются приобщать к материалам дела. Нам отказано во всем. Самое сложное — доказывать аксиому. Есть постановление Правительства России, где указано, что эталоном достоверности стоимости строительства является норматив Минстроя. Там указано, что стоимость строительства может быть в пределах 41 000 рублей за квадратный метр. Сын построил по 32 000 рублей за квадратный метр.

И это же не хрущевки для военнослужащих, а дома бизнес-класса, в которых живут нувориши.

Я участвую во многих процессах защиты сына. Я профессиональный бухгалтер. Мне понятно, о чем идет речь и что прописано в нормативах по этому вопросу. Я знаю, как должны выглядеть бухгалтерские документы. И для меня ясна вся абсурдность предъявленного обвинения. Мы даже подавали в Конституционный суд, но все равно сыну продлевали содержание под стражей. Когда Следственный департамент МВД России вернул дело на доследование, сын в это время уже более года находился под стражей. Они должны были его освободить, но они этого не сделали. Ему предъявили обвинение без адвоката. Следователь даже записал, как предъявляет обвинение сыну без адвоката. Но прокуратура все равно передала материалы в суд. В нашем деле 228 томов. Больше двух сотен томов вокруг пустого обвинения в том, что он якобы украл НДС. Я пришла к следователю и говорю:

- Вы понимаете, что это НДС? Вот первичка.
- А у меня нет материалов дела, которые вы показываете.
- Вот, в двадцатом томе.
- Нет.

Следователь даже не знает, что они там есть, но при этом говорит: «Строители НДС не платят».

Русская женщина, особенно русская мать, должна быть сильной. Когда нам говорят, что материнство — это счастье, я думаю, что материнство в России — большое наказание. Если ты действительно мать, то, наверное, должна понимать, что, родив ребенка, ты будешь защищать его до последнего своего дыхания, потому что больше некому. Абсолютно некому. Я была в генпрокуратуре двадцать семь (!) раз. Я хожу на все защиты предпринимателей. Меня знают все. Самое ужасное, что все всё понимают и ничего не делают.

У нас дружная семья. Это безусловная поддержка. А мне помогает не отчаиваться только одна мысль: я должна выстоять. У моего сына трое детей. Нельзя допустить, чтобы они жили с чувством, что их отец преступник. И конечно, спасибо хорошим, честным, добрым людям. Если бы не их поддержка, я бы уже сломалась. Но у них очень мало полномочий. К сожалению, это бутафория, что кто-то защищает предпринимателей. Наоборот, проводится политика их уничтожения.

И самое ужасное, что само предпринимательское сообщество создает такую атмосферу. Такими способами борются с конкурентами. Нет ни чести, ни совести. Бога нет, все можно.

Страшно. Вот мы ходим в СИЗО. Нам не давали свиданий с сыном почти год. Какую цель они преследуют, когда обезумевшим от горя родителям и жене не дают свиданий с обвиняемым? Ведь его еще не признали преступником. Их цель — психологическое воздействие на всех нас, прессинг.

Нас хотят сломать. Вот для чего они арестовали мой дом, купленный за десять лет до того, как мой сын якобы что-то украл. Как можно было деньги украсть в 2012 году, а дом построить в 2003-м? Это делается специально, чтобы сломить меня. Я писала жалобы, ходила во все инстанции. Но они борются и с матерями. Я прихожу в прокуратуру, а мне говорят: «У вас есть доверенность от сына на то, чтобы защищать его интересы?» А я им каждый раз отвечаю: «Вы знаете, ее от меня не требовали даже в роддоме, когда я его рожала. Давайте у всех рожениц теперь будем спрашивать доверенность, хочет ли ребенок родиться». Я стала добиваться, чтобы в СИЗО допустили нотариуса, чтобы сын оформил доверенность на меня, но они не дали разрешение. Зато продолжают спрашивать. Моя доверенность защищать честь сына дана мне Богом.

Я хожу на заседания в прокуратуру, слушаю и, как профессиональный бухгалтер, понимаю: люди совершенно не знают, как функционирует экономика, они не понимают естественных экономических законов. В обвинительном заключении терминологическая куча мала. Используются термины, которых нет в нормативных документах. В одном обвинительном заключении в одном абзаце сына обвиняют в завышении себестоимости, во втором абзаце — уже в завышении сметной стоимости. Потом его обвиняют в завышении рыночной стоимости, а потом в завышении затрат. Но это разные экономические категории! Если передо мной, как перед аудитором, поставят задачу рассчитать эти показатели, я должна буду применить разные методики. Я рассчитаю разные числовые значения. Это же дикость, когда следователь не понимает, что написано в имеющихся у нее первичных документах. О чем можно говорить?! Как такие люди могут расследовать экономические преступления? Тем более когда нет состава

преступления. Сложно поймать черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет.

Я думаю, что это ужасающая совокупность некомпетентности, заинтересованности и мотивированности в том, чтобы человека держать и уничтожать. Но мы столько лет боремся и будем продолжать бороться. Мы уже подали две жалобы, судились в Конституционном суде. Суд встал на нашу сторону, но, к сожалению, не вынес частного определения. Нет никакого доступа к правосудию. Раньше я смотрела на беременных женщин и думала: «Какие счастливые! У вас еще все впереди». Теперь я смотрю на них и говорю: «Бедные вы, бедные! У вас еще все впереди».

5

СИЛА ВЕРЫ

Вначале я смотрю на народ и постоянно спрашиваю:

— Слушайте, ребята, что же вы такие грустные? Надо бороться! Вот где ваши адвокаты, а?

Я ведь знаю, что правда на моей стороне, а значит, финал будет счастливым. Нас ведь так в школе учили. Меня переполняет энергия предвкушения свободы, я хорошо ее помню и верю в результат усилий. Ни тени сомнения. Я всегда ставил задачу и достигал цели. Разве может быть по-другому? А тут я неожиданно сталкиваюсь с людьми, которые попробовали бороться, разочаровались и теперь не понимают, зачем прыгать и суетиться.

— Сиди спокойно, в нарды, в шахматы играй. Зачем корпеть над документами, готовиться, писать? — говорят мне пессимисты.

Странные люди. Мне их искренне жаль!

Я не слушаю отговорки. Каждый день после прогулки обливаюсь холодной водой, растираюсь вафельным полотенцем и начинаю писать — готовиться к приходу адвокатов, к суду. Если ты хочешь защищаться, тебе надо изучать дело.

При этом я вижу, что большинство сдается и ничего не делает. Я их не понимаю, а когда начинаю расспрашивать, слышу неутешительные истории. Оказывается, многие не хотят идти даже на судебные заседания или апелляции! Они почему-то уверены, что это пустые надежды. Зачем, если все давно предreshено... И я вижу, что даже родственники смотрят на тех, кто сдался, по-другому... снисходительно, что ли.

Чтобы я сдался? Да никогда! Позволил смотреть на себя снисходительно? Последнее дело! Чем дольше я наблюдаю за другими сокамерниками, тем больше убеждаюсь: я другой, я буду действовать иначе во что бы то ни стало.

Я посмотрел на их смиренность и говорю:

— Надо вот это писать, сюда жалобу, а туда прошение. Вы чего сидите?

Ребята отвечают:

— Саш, нам все понятно. Мы тоже такими были. Иди напиши, конечно. А реально надо готовиться к тому, что тебе лет через восемь выходить. Сколько там тебе собираются дать? Сколько состава, какие тебе написали статьи? На десятку где-то ты устроился, поэтому надо с людьми не ругаться здесь, помириться и договориться, чтобы быт обустроить.

Вот такая позиция. Меня она обескуражила. Я не хотел спорить, но и согласиться не мог. Другие кивали:

— Ты все правильно сделал. Конечно, надо написать письма, прошения. А вот адвокаты... Ну, а толку от этих адвокатов? Ты же понимаешь, что они просто выдаивают нас, семью, родственников. Ты лучше распредели деньги, чтобы тебе передачи давали нормальные, чтобы родителям и жене осталось. Если какие-то заначки есть, пусть лучше они принесут пользу, чем ты их на адвокатов, юристов и экспертизы потратишь. Их все равно никто читать не будет.

Примерно такие шли разговоры. А я, между прочим, недавно еще сам был адвокатом!

Я слушал и думал, что людей просто прибила жизнь, поэтому они больше не верят в собственные возможности, силы. А я же такой энергичный, я справлюсь. Я докажу, что для меня и тут все по-другому. И адвокаты у меня хорошие.

Выйти стало своего рода вызовом. Вначале я так пытался переубедить ребят, что они в меня даже поверили:

— Ну, давай, Саша, борись. Мы за тебя.

Я понимал, что в сравнении со многими у меня есть преимущество: обо мне писали в прессе, соцсетях. Охранники иногда приносили газеты. Столько людей вступилось! Моя сотрудница